

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЕЩЕ РАЗ О МЕСТЕ МАТЕРИНСКОГО РОДА В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

(По поводу статьи Н. А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи»¹)

Скоро исполнится 80 лет со дня выхода в свет произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое В. И. Ленин назвал одним из основных сочинений современного социализма.

Накопленный к середине XX в. огромный фактический материал по этнографии и археологии самых различных народов мира целиком подтверждает правильность основных положений сочинения Энгельса.

Советские ученые, творчески развивая марксистское учение о первобытности, внесли в него некоторые уточнения, конкретизировали на основе новых данных отдельные положения (в частности, по вопросу о кровнородственной семье, о малайской системе родства и т. п.). Но эти частные поправки не затронули основное содержание учения Энгельса о первобытности, трактующего историю первобытного общества как историю родового строя, рассматривающего материнский род как закономерную и универсальную стадию в истории человечества.

Эпоха матриархата, или материнского рода, в понимании классиков марксизма — это не только счет родства по материнской линии, но прежде всего коллективизм производства и потребления, общественная собственность на основные орудия и средства труда, отсутствие частной собственности, отношений господства и подчинения, моногамной семьи и веры в единого бога, т. е. отсутствие тех признаков, которые объявляются буржуазной наукой извечными чертами человеческого общества. Понятно, что защищая эти «священные» понятия буржуазного общества, реакционная наука направляла свои атаки прежде всего против учения Энгельса о материнском роде. Вот уже почти 80 лет противники марксизма пытаются опровергнуть это учение, стремясь тем самым поколебать теорию марксизма о единстве путей развития человеческого общества, о временном, переходящем характере порядков капиталистического общества. Под давлением бесспорных фактов большинство реакционных зарубежных этнографов и социологов не может отрицать материнский род, но они объявляют его частным и поздним явлением в развитии человечества.

Советские ученые в работах, посвященных различным народам земного шара, на основе огромного фактического материала убедительно раскритиковали произвольные и необоснованные конструкции противников учения Энгельса о материнском роде. Пережитки материнского рода были выявлены у народов, считавшихся нашими зарубежными оппонентами извечно патриархальными². Однако до сих пор за рубежом не прекращаются попытки если не совсем отвергнуть материнский род, то хотя бы объявить его явлением не предшествующим, а следующим за отцовским родом³. Отдельные американские ученые утверждают также, что материнский и отцовский род не связаны определенной временной последовательностью, а характеризуют различные линии развития⁴. Непримиримость к подобному рода искусственным социологическим схемам всегда была характерной чертой советской этнографической науки. Поэтому в широких кругах советских этнографов большое беспокойство вызвало появление работы Н. А. Бутинова «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи», в которой автор мимоходом и бездоказательно пытается опровергнуть основные положения

¹ Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Галапагосских островов», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXX, М.—Л., 1962.

² См., например, Е. А. Рыдзевская, О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы, «Сов. этнография», 1937, № 2—3; К. Д. Кулов, Матриархат в Осетии, «Изв. Северо-Осетинского НИИ», 1935, вып. 8; А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936, и др.

³ R. Murphy, *Headhunters heritage*, Los Angeles, 1960.

⁴ J. Steward, *Multilinear evolution*, Urbana, 1955.

учения Энгельса о материнском роде. Тем самым Н. А. Бутинов также мимоходом перечеркивает и многолетний и плодотворный труд советских этнографов, творчески разрабатывавших наследие Энгельса в изучении первобытного общества. Такие исследователи, как например, М. О. Косвен десятилетиями кропотливо собирали, систематизировали и анализировали новые материалы по родовому строю. Н. А. Бутинов же просто отмечает работы А. М. Золотарева, М. О. Косвена, Е. Ц. Кричевского, С. П. Толстова и других исследователей материнского рода. Сам же автор по многим вопросам (например, о значении материнского рода, о его историческом месте, о времени появления семьи и т. д.) фактически оказывается в одном лагере с откровенными противниками марксистского учения о первобытности.

К чему же сводятся взгляды Н. А. Бутинова, в том виде как они изложены в названной выше статье на стр. 179—182?

По Н. А. Бутинову, основной единицей общинно-родового строя является родовая община, которую, однако, ни в коем случае не следует отождествлять с родом. Род, по его мнению, — учреждение, лишь регулирующее филиацию: он не является экономической единицей, так как его члены в силу закона экзогамии разбросаны по разным родовым общинам. Родовая община в противоположность этому — учреждение экономическое: члены ее ведут свое хозяйство. Она состоит из постоянного ядра — взрослых мужчин, пришлой части — их матерей и жен, и временной части — их сестер и дочерей. Ей, таким образом, присуща патрилокальность брачного поселения, которая, впрочем, эпизодически, преимущественно на поздних этапах развития, может сменяться и матрилокальностью. По какому принципу конституируется хозяйственная общность этой не совпадающей с родом родовой общины? Прямого ответа автор не дает, но из всего контекста вытекает, что имеется в виду территориальная связь обитателей одной деревни. Термины «родовая община», «община» и «деревня» употребляются как равнозначные. Общинно-родовая экзогамия — это брак за пределами своей деревни (стр. 179—180); «... часть членов рода живет в одной общине, а другая часть, после замужества, покидает родную деревню» (стр. 181); «... папуас может поссориться с членами своей общины и уйти в деревню жены» (стр. 182) и т. д. Итак, если разобраться, оказывается, что «родовая община» Н. А. Бутинова — это не только не род, но и не родовая община, а нечто вроде деревенской, территориальной общины.

Другой единицей раннего общинно-родового строя является семья. Как представляет ее себе Н. А. Бутинов? Прямого ответа он не дает, но из контекста и из ряда отдельных замечаний явствует, что первобытная семья является с самого начала хотя и не основной, но все же экономической единицей. Именно с таким пониманием семьи связана предлагаемая автором теория происхождения экзогамии. Первобытное стадо периодически распадалось на отдельные семьи, что «вело к утрате социальной традиции», порождало «антагонизм между стадом и семьей», являлось «тормозом на пути перехода от первобытного стада к общинно-родовому строю» (стр. 180). Разрешить это противоречие была призвана экзогамия, которая, по словам Н. А. Бутинова, ослабила семью и превратила первобытное стадо в родовую общину. «Противоречие между общиной и семьей все же осталось. Но, не будь экзогамии, оно превратилось бы в антагонизм, мешало социальному развитию. При наличии же экзогамии община и семья могут мирно сосуществовать; противоречие между ними носит иной, хозяйственный характер и является уже не тормозом, а напротив, стимулом дальнейшего прогресса. На значительном протяжении общинно-родового строя экзогамия играет прогрессивную роль. Лишь на позднем этапе, когда семья, экономически окрепнув, противопоставляет себя общине, становится основной хозяйственной единицей, возникает потребность не в ослаблении, а напротив, в укреплении семьи, и экзогамия постепенно сходит со сцены» (стр. 180. Разрядка наша. — Авторы). Итак, если разобраться, реконструируемая Н. А. Бутиновым первоначальная семья — это не групповая семья, основанная на коллективных отношениях двух дуально-брачных родов, и даже не парная семья, экономически полностью растворенная в родовой общине, а именно особый хозяйственный коллектив, ослабленный, но все же отнюдь не поглощенный родовой общиной.

Тезис о территориальной общине и индивидуальной семье как о первичных фазах общественной организации человека современного типа (*Homo sapiens*), естественно, не оставляет места концепции изначальности рода в его универсально-исторической материнской форме. Поэтому Н. А. Бутинов, теперь уже со всей определенностью, высказывается против этой концепции. По его словам: «форма рода не может указать на тот или иной период в развитии», «вопрос о том, когда возник материнский род и был ли он универсальным, по существу не связан непосредственно с проблемой периодизации», «вопрос о происхождении матриархата не имеет для марксизма принципиального значения» (стр. 181). Все же, как ни мало значительны для Н. А. Бутинова вопросы о материнском роде и соотношении материнской и отцовской филиаций, он не обходит их полным молчанием. Ядром хозяйственного коллектива в эпоху общинно-родового строя являются мужчины (стр. 181); брачное поселение, как мы видели выше, изначально патрилокально, материнская и отцовская филиации свойственны не различным этапам исторического развития, а различным народам мира (сноска к стр. 182).

Такова, насколько можно понять из крайне противоречивого изложения, точка зре-

ния Н. А. Бутинова. Нетрудно видеть, что она коренным образом расходится с принятой в нашей науке концепцией исторического процесса первобытности, важнейшей составной частью которой является учение о материнско-родовой общине с присущими ей формами групповой и парной семьи как всеобщем этапе развития первобытного человечества, исторически предшествовавшей отцовскому роду и территориальной общине со свойственными ей формами патриархальной и моногамной семьи.

Н. А. Бутинов же в своей трактовке отцовского рода как равноправного и одновременно с материнским или даже, во всяком случае в отношении некоторых патриархальных институтов (патрилинейное поселение), более древнего не учитывает, что отцовский род, как это было прекрасно показано Энгельсом, мог появиться только в период начавшегося разложения первобытного коммунизма, с возникновением частной собственности в период между первым и вторым общественным разделением труда. Как писал Энгельс «„Дикий“ воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, „более кроткий“ пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе». И далее: «С утверждением фактического господства мужчины в доме пали последние преграды к его единовластию. Это единовластие было подтверждено и увековечено ниспровержением материнского права, введением отцовского права, постепенным переходом от парного брака к моногамии. А это создало трещину в древнем родовом строе: отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»⁵.

Что же противопоставляет Н. А. Бутинов, аргументируя свою точку зрения, этому важному положению марксистской науки и обширному арсеналу систематизированных научных фактов? Немногое — лишь некоторые неверно истолкованные им данные по этнографии папуасов Новой Гвинеи. Действительно, в папуасском обществе конца XIX—XX в. обнаруживаются и территориальная община, и индивидуальная патрилокальная семья, и одновременное сосуществование материнско- и отцовско-родовых институтов, создающее иллюзию их параллельного развития. Но можно ли, как это делает Н. А. Бутинов (стр. 107, 181), считать это общество еще живущим в условиях ранних форм первобытно-общинного строя? Подобное допущение исключается хотя бы приводимыми самим же автором данными о древних, восходящих к VIII в. связях Новой Гвинеи с Индонезией, находками на острове бронзовых топоров, наличием частного землевладения. Оно исключается и данными опубликованной в том же сборнике статьи Ю. М. Лихтенберг о системах родства папуасов, свидетельствующими о далеко зашедшем процессе разложения родового строя. Очевидно, что Н. А. Бутинов не сумел разобраться даже в одном только новогвинейском этнографическом материале и грубейшим образом арханизировал изучаемое им общество.

По-видимому, Н. А. Бутинов в какой-то степени и сам сознает шаткость своих научных позиций. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что, воскрешая самые недопустимые образцы цитатничества, он пытается подкрепить свою концепцию произвольно выхваченными и тенденциозно истолкованными отрывками высказываний классиков марксизма-ленинизма.

Общезвестно, что Энгельс был решительным противником теории изначальности каких бы то ни было форм отдельной семьи. Возражая против всякого рода попыток выводить человеческую семью из «семьи» у высших животных, он привел в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пространную цитату из книги Эспинаса, где характеризуются различные формы «семейной» жизни животных. Рассмотрев данные Эспинаса, Энгельс сделал вывод, что «хотя общества животных имеют известную ценность для умозаключений о человеческих обществах, но — только отрицательную»⁶. Общее заключение, к которому пришел Энгельс, гласит: «И действительно, что находим мы в качестве древнейшей, наиболее первобытной формы семьи, существование которой в истории мы можем неоспоримо доказать и которую можно и теперь еще кое-где изучать? Групповой брак, форму брака, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу...»⁷ Н. А. Бутинов, конечно, знаком с этой концепцией Энгельса, но, противопоставляя ей на деле свою концепцию о изначальном существовании семьи, он пытается спрятаться за приводимой Энгельсом цитатой из книги Эспинаса: «Чтобы могло образоваться стадо, семейные узы должны ослабнуть» (стр. 180).

Высказывание Эспинаса, относящееся к животным, и приводимое Энгельсом именно в этой связи, Н. А. Бутинов совершенно произвольно относит к человеческому обществу. Столь же произвольно автор толкует и высказывания В. И. Ленина.

Н. А. Бутинов пытается свой вывод о непринципиальности проблемы материнского рода приписать В. И. Ленину. Для этого Н. А. Бутинов фактически грубо искажает сущность полемики Ленина с Плехановым по поводу ревизионизма Маслова. Н. А. Бутинов пишет, что, якобы «В. И. Ленин указал, что вопрос о происхождении матриархата не имеет для марксизма принципиального значения» (стр. 181). В тексте статьи В. И. Ле-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 162.

⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1953, стр. 32.

⁷ Там же, стр. 33—34.

нина нет ничего подобного. Статья посвящена критике Плеханова, защищавшего Маслова, который пытался ревизовать марксистское учение об абсолютной ренте. Плеханов утверждал, что Маслова нельзя называть ревизионистом, так же как нельзя называть ревизионистом Кунова, который лишь «отчасти» разошелся с Энгельсом по вопросу о происхождении матриархата. Ленин замечает по этому поводу, что нельзя коренное расхождение Маслова с Марксом по вопросу об абсолютной ренте приравнять к частному вопросу, к расхождению («отчасти») насчет происхождения матриархата⁸.

Прочитывая лишь одну фразу из статьи Ленина: «Только при полнейшем неуважении к себе самому и к своей публике можно позволить себе по важнейшим принципиальным вопросам такие приемы клоуна»⁹, Н. А. Бутинов совершенно произвольно заключает, что в ней речь идет об опровержении принципиального значения для марксизма проблемы материнского рода. По меньшей мере малоубедительный прием. Из всего контекста цитируемой Бутиновым статьи В. И. Ленина видно, что это высказывание направлено против ухищрений Плеханова в защите Маслова. Вопросы же о принципиальности или не принципиальности матриархата В. И. Ленин здесь не касается. Н. А. Бутинов выдергивает отдельные фразы из полемической статьи В. И. Ленина и совершенно произвольно трактует их вне всей системы взглядов В. И. Ленина на историю первобытности, высказывавшихся им и до и после цитируемой Бутиновым статьи. И нигде мы не найдем у В. И. Ленина опровержения мысли Энгельса, что «...открытие первоначального рода с материнским правом как стадии, предшествовавшей роду культурных народов с отцовским правом, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии»¹⁰. Наоборот, он цитирует это место из сочинения Энгельса в «Лекции о государстве», состоявшейся значительно позднее, чем вышеупомянутая полемика с Плехановым.

В полемике же с Михайловским, о которой Н. А. Бутинов умалчивает, В. И. Ленин, возражая Михайловскому, писал, что до Моргана «Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием (материалистическое объяснение истории. — Авторы) к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например гентильной организации, которая в силу этого и оставалась загадкой»¹¹. Таким образом здесь В. И. Ленин, как видим, вопрос о «гентильной организации» совершенно определенно относит к одному из важнейших во всей древней истории Европы, разрешить который позволил собранный Морганом в Америке богатый материал. В этой же работе Ленин цитирует оценку Энгельсом значения открытия материнского рода Морганом: «Великая заслуга Моргана состоит в том, — говорит Энгельс, — что он в родовых связях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»¹².

Таким образом, попытка Н. А. Бутинова найти себе единомышленников в лице Энгельса и Ленина, явно неудачна. Н. А. Бутинову надо было бы сослаться на Кунова, который в 1912—1913 гг. писал, что по вопросу о матриархате существует три теории: самого Кунова, выводящего матриархат из патриархата; Ф. Гребнера, приписывавшего матриархату «относительно самостоятельное развитие», и «третья теория, которая еще недавно почти всеми считалась единственно верной (а теперь самой неправдоподобной!)» (курсив и восклицательный знак Г. Кунова) — выводил отцовскую линию из материнской»¹³. У Н. А. Бутинова действительно имеется немало единомышленников, и справедливости ради следует восстановить их приоритет в создании рассмотренных выше конструкций. Взгляд, по которому начальной формой общественной организации была территориальная община, состоявшая из отдельных семей, впервые высказанный во второй половине XVIII в. основоположником так называемой марковой и вотчинной теории Мезером, получил значительное развитие в буржуазной и ревизионистской этнографии послеэнгельсовского периода. Не ново и понимание рода как надстроечного института, значение которого сводится лишь к регулированию счета родства. Мы встречаемся с ним и у Старке и Вестермарка, этих зачинателей атаки на учение о материнской родовой общине, и в работах сторонников «культурно-исторической» школы в Европе, и в работах приверженцев так называемой «исторической» школы в США. К той же «культурно-исторической» школе восходит тезис о параллельном возникновении материнской и отцовской филиации, широко использованный также рядом американских этнографов (Лоун и Мэрдок). Конструкция Н. А. Бутинова построена из хорошо известных материалов, и едва ли не единственным ее оригинальным элементом является попытка привязать к этим материалам соответствующим образом поданные цитаты из трудов Энгельса и Ленина.

⁸ В. И. Ленин, Как Плеханов и К^о защищают ревизионизм, Соч., 4-е изд., т. 15, стр. 257—258.

⁹ Там же, стр. 257.

¹⁰ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 17.

¹¹ См. В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., т. I, стр. 133.

¹² Там же, стр. 131.

¹³ Г. Кунов, Происхождение брака и семьи, М. 1923, стр. 88—89 (Русск. перевод).

Что же касается трактовки автором вопросов этнической истории Новой Гвинеи, чему собственно и посвящена статья, то и здесь по многим вопросам позиция автора вызывает серьезные возражения. Сразу обращает на себя внимание произвольное толкование термина «папуасы», которым посвящена рецензируемая работа. Автор причисляет к папуасам жителей Новой Гвинеи, говорящих как на папуасских, так и на меланезийских языках.

Термин «папуасы», в употреблении Н. А. Бутинова, таким образом, получает чисто географическое значение, совершенно отрываясь от своего этнического и лингвистического содержания. Трудно понять, на чем основано это нововведение. Во всех доступных нам источниках и специальных работах, в том числе и в недавно вышедшем выпуске многотомника «Народы мира» («Численность и расселение народов мира»), папуасскими называются только этнические группы, говорящие на так называемых папуасских языках, т. е. на условно объединяемых языках коренного населения Океании, не входящих в малайско-полинезийскую семью. Этнографические группы населения Новой Гвинеи, говорящие на меланезийских языках, не перестают быть меланезийцами и не становятся папуасами оттого, что они расселены в настоящее время на Новой Гвинее.

Критически рассматривая существующие гипотезы о происхождении малайско-полинезийских и специально меланезийских языков, Н. А. Бутинов предлагает по этому вопросу новую гипотезу, согласно которой «меланезийские языки сложились в Индонезии, и оттуда попали в Меланезию в результате особой миграции» (стр. 114). По мнению автора, меланезийские переселенцы ассимилировали местное папуасское население, навязали ему свой язык (там же). Развивая дальше эту мысль, Н. А. Бутинов пытается наметить даже примерную дату переселения меланезийцев в Меланезию из Индонезии. Он указывает, ссылаясь на работу советских антропологов М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, что в III тысячелетии до н. э. в Индонезию из Южного Китая стали проникать монголоидные антропологические типы, но та часть меланезийцев, которая мигрировала в Меланезию, избежала смешения с монголоидами (в современном меланезийском антропологическом типе монголоидные черты не прослеживаются). Следовательно, эта миграция произошла до наплыва монголоидов в Индонезию. Процесс миграции происходил 5—6 тысяч лет назад (стр. 114).

Автор указывает еще, что, по мнению большинства специалистов, меланезийские языки сохранили многие особенности древней основы, из которой развились и другие языки малайско-полинезийской семьи (индонезийские, микронезийские, полинезийские). В этом Н. А. Бутинов также ищет подкрепления своей гипотезы, согласно которой получается, что древнейшие малайско-полинезийские языки сложились в Восточной Индонезии и уже оттуда распространились по другим районам Юго-Восточной Азии и Океании.

Однако как только мы выйдем из географических рамок Меланезии и постараемся представить себе картину распространения малайско-полинезийских языков в целом, эта гипотеза повисает в воздухе. Если ареалом формирования этих языков была Восточная Индонезия, то, следовательно, монголоиды, проникавшие сюда с азиатского материка, говорили не на малайско-полинезийских, а на каких-то других языках и только в процессе своего расселения в Индонезии они восприняли языки малайско-полинезийского типа. Но на каких же языках, вправе мы спросить Н. А. Бутинова, говорили эти антропологически монголоидные группы и почему, будучи, бесспорно, более многочисленными и более социально-экономически развитыми по сравнению с древним населением Индонезии, они сменили свои языки на малайско-полинезийские? Очевидно, что малайско-полинезийские языки распространялись в Индонезии, а затем и в Океании из Юго-Восточной Азии и ассимилировали в Индонезии более древние языки, не принадлежавшие к этой семье. Ведь в восточной Индонезии (на Северной Хальмахере, на Тиморе и других островах) сохранились до настоящего времени языки, не принадлежащие к малайско-полинезийской семье и, по мнению некоторых ученых, близкие к языкам папуасского типа. В то же время никаких остатков меланезийских языков, насколько нам известно, в восточной Индонезии не отмечено. А ведь если бы гипотеза Бутинова имела хоть какие-нибудь реальные основания, именно такие остатки надо было бы здесь ожидать.

Автор рецензируемой работы не учитывает, что древнее папуасское население Новой Гвинеи и других островов в Меланезии вполне могло усвоить язык малайско-полинезийского типа, который действительно преобладал, вероятно, среди переселенцев из Юго-Восточной Азии. А ведь этническая история самых разных народов едва ли не во всех частях света знает многочисленные примеры, когда распространение тех или иных языков не сопровождалось распространением антропологических типов, составлявших большинство среди древнейших народов, говоривших на данных языках. Так, например, вряд ли можно сомневаться, что древнейшие турки Центральной Азии имели в своем составе значительную монголоидную примесь. Однако среди современных турок Малой Азии или азербайджанцев монголоидные элементы почти совершенно отсутствуют. Подобно этому монголоидность древних венгров хорошо аргументируется данными палеоантропологии. Но среди современных венгров монголоидные черты не наблюдаются.

Возвращаясь к вопросам этнической истории Индонезии и Океании, подчеркнем, что в составе древних переселенцев с Азиатского материка, говоривших, вероятно, на малайско-полинезийских языках, по-видимому, уже были не только протомонголоидные, но и негроавстралоидные (экваториальные) элементы. Ведь как отмечает сам Н. А. Бутинов, древнейшее население всей Юго-Восточной Азии, включая и Индонезию, антропологически принадлежало к различным вариантам негроавстралоидной большой расы.

По мере продвижения на юг и на восток, продолжавшегося, конечно, многие сотни, а может быть и тысячи лет, удельный вес экваториальных элементов в составе древних меланезийско-полинезийских племен, бесспорно, увеличивался, а монголоидных все уменьшался, особенно в периферических группах. Следовательно, нет ничего неправдоподобного в том, что многие районы Океании (не только Меланезии, но и Полинезии) были заселены людьми, говорившими на языках малайско-полинезийской семьи, но антропологически принадлежавшими не к монголоидной, а к негро-австралоидной большой расе.

В свете всего изложенного положение Н. А. Бутинова о происхождении меланезийских и других языков малайско-полинезийской семьи вряд ли может быть признано соответствующим современному уровню развития науки.

Большое место автор уделяет рассмотрению контактных этнических общностей. Границы этих общностей, по мнению автора, могут определяться следующим: 1) местонахождением этнографа или его информатора, 2) радиусом этнической общности в данном районе, 3) степенью этнической общности, подразумеваемой исследователем, 4) характером местности, 5) наличием границ, проведенных предшественниками, 6) наличием границ административных районов (стр. 146). Если автор прав, то конкретные этнические общности всегда оказываются в высшей степени субъективными и в очень слабой степени отражают реальные этнические общности, существующие среди папуасов Новой Гвинеи. Автор сам понимает это обстоятельство, подчеркивая случайность поименованных контактных этнических общностей, неопределенность, а часто и фиктивность границ между ними, резкую несогласованность данных различных авторов и т. д. Но тогда непонятно, почему автор уделяет этим фиктивным общностям такое большое внимание, посвящая им едва ли не большую часть своей статьи, и совсем уж непонятно заключение Н. А. Бутинова о том, что «Контактные этнические общности складываются на базе экономических и социальных условий, характерных для ранних форм общинно-родового строя» (стр. 179).

Есть в статье и много других недостатков. Основная причина ошибочных концепций Н. А. Бутинова, на наш взгляд, в ограниченности привлеченного им этнографического материала, в отсутствии исторического подхода даже к лучше всего знакомому ему материалу о папуасах, а также в недостаточном внимании к работам своих предшественников — советских исследователей общественного строя коренного населения Новой Гвинеи, например, С. А. Токарева. Такая статья могла появиться в свет лишь потому, что ее автор Н. А. Бутинов был единоличным ответственным редактором сборника «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов». Заметим, кстати, что из-за своих ошибочных теоретических взглядов Н. А. Бутинов не сумел на должном уровне осуществить ответственное редактирование сборника. Так, в статье В. Р. Кабо имеет место архаизация аборигенного австралийского общества, руководящая роль мужчин в обществе вслед за буржуазными исследователями связывается с направлением хозяйства (охотой) и т. д. Ряд ошибок, содержащихся в этой статье, объясняется, на наш взгляд, тем, что автор почти не использовал богатую советскую литературу по австраловедению.

Мы надеемся, что содержащаяся в нашей статье, критика, поможет Н. А. Бутинову уяснить свои ошибки и вместе со всеми советскими этнографами повести энергичную борьбу с любым проникновением буржуазной идеологии в нашу науку.

Ю. Аверкиева, А. Першиц, Л. Файнберг, Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СИБИРИ

«Вопросы истории Сибири», Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена, т. 222, Л., 1961.

Недавно педагогический институт имени А. И. Герцена в Ленинграде свой 222 том «Ученых записок» специально посвятил истории Сибири. Эта книга, изданная под названием «Вопросы истории Сибири», вышла под редакцией известного знатока Сибири Н. Н. Степанова.

В составлении тома наряду с ленинградскими учеными приняли участие ученые-сибиряки.